

Я и Су Мань вышли из заведения друг за другом. Она шла не спеша, и звук её каблуков, мерно цокающих по плитке, казался удивительно мелодичным, лишенным всякой суеты.

Мы дошли до парковки, но мой затуманенный мозг всё ещё не мог переварить внезапно свалившееся на меня счастье. Я держалась на расстоянии шага, пока она не открыла дверцу машины и не обернулась ко мне:

— Садись.

Вместе с её голосом вырвался тяжелый, невольный вздох. У меня снова защипало глаза. Потерев переносицу, я села на пассажирское сиденье.

Су Мань не стала заводить мотор. Она просто заблокировала двери и замерла, глядя на меня в тишине. Фары были выключены, в салоне царил полумрак, освещаемый лишь бледным светом парковочных ламп. Её тонкие черты лица тонули в тени, и было видно только, как слегка подрагивают ресницы.

Она молчала, и я тоже не решалась нарушить тишину. Вдруг в сумочке зазвонил телефон.

Из динамика полился глубокий, пронзительный голос Аниты Муи:

— Мы — случайные прохожие, мы — герои общих снов, мы должны были стать парой. В юности мы не осознавали своих снов, а проснувшись, должны были разойтись. Три трапезы, ночлег, мы делили кров — кто же мы друг другу в конце концов? То, чего не обрели, то, что осталось в прошлом, всегда кажется самым желанным. Ты смотришь снизу, я играю на сцене — ту пьесу, которую ты хотела видеть. Старые знакомые, ты, не знающая печали, помнишь ли ты хоть что-то? Радость и горе, старость и болезнь, жизнь и смерть — это не легенда. Я ненавижу эту близость на сцене и наши отношения в жизни, ведь это не я и не ты.

Печальная мелодия под ночным небом звучала до боли пронзительно. Я замерла, слушая, и забыла ответить на звонок. Она тоже слушала, не шевелясь, пока вызов не сбросился сам.

— Почему не отвечаешь? — наконец спросила она.

— Не хочу, — ответила я. — Не хочу, чтобы кто-то или что-то отвлекало меня сейчас. Хочу просто быть с тобой, пусть даже в полном молчании — для меня это величайшее счастье.

— Сыгуй... — прошептала Су Мань и вдруг подалась вперед, крепко обнимая меня.

Мы не виделись два года. Она стала еще стройнее, лицо заострилось. Положив подбородок мне на плечо, она сжала объятия так сильно, что мне стало больно. Я не двигалась, боясь, что стоит мне шевельнуться — и она исчезнет, как морок, оставив меня наедине с ледяным воздухом, насмехающимся над моими иллюзиями.

Су Мань прижималась ко мне, тепло её ладоней проникало сквозь одежду, обжигая кожу. Спустя долгое время она медленно отстранилась и коснулась ладонью моей щеки, мокрой от слез.

— Ненавидишь меня? — тихо спросила она, словно разговаривая сама с собой.

Я покачала головой:

— Нет.

Как я могла её ненавидеть? В прошлом я совершила слишком много ошибок, и из-за меня она столько выстрадала. Если забыть, длившееся два года, было наказанием за мою прежнюю строптивость, то я принимаю его со смирением. Лишь бы теперь между нами не было бурь, лишь бы мы могли спокойно любить друг друга.

— А я бы хотела, чтобы ты меня ненавидела, — она стерла слезу под моим глазом, и её собственные глаза наполнились влагой. — Это я не должна была втягивать тебя в это с самого начала. Зная, что, возможно, не смогу быть сильной, я всё равно эгоистично привязала тебя к себе. Я думала, двух лет хватит, чтобы ты смогла меня отпустить. Я всё просчитала, но просчиталась в собственном сердце.

Её мягкие пальцы скользнули к моим губам и вдруг с силой сжали их:

— Когда я вижу тебя с кем-то другим... я... я просто не могу этого вынести!

Я поморщилась от боли, но тут же растерялась, увидев в её глазах такую глубокую скорбь. Когда любишь кого-то до беспамятства, каждое её движение перестает быть просто фоном — всё становится частью твоей собственной радости и боли. Я судорожно потянулась к её лицу, не успев насладиться нежностью прикосновения, как по её щекам покатались слезы.

— Быть с тобой — мой осознанный выбор, никто никого не предал. Су Мань, я до сих пор не могу поверить. Ты правда помнишь меня? Сколько ты помнишь? Я боюсь... боюсь, что после этой ночи я стану как Золушка, вернусь в реальность, хрустальная туфелька исчезнет, а моя принцесса останется жить в чужом замке.

Горло сжало спазмом. Я схватила её за руки, переплетая наши пальцы, позволяя теплу наших тел слиться воедино. В голове не осталось лишних мыслей — только желание взяться за руки и пройти этот путь до конца.

Окружающий мир словно размылся, осталась только она — ослепительно прекрасная, накрывающая меня, как морская волна. Жажда любви отражалась в её темных зрачках, направленных прямо на меня. Она наклонилась, обхватила мое лицо ладонями, и её горячие, мягкие губы, слегка подрагивая, коснулись моих.

Я ответила без колебаний. Словно мотылек, летящий на огонь, я не чувствовала жара, видя лишь свет, который так отчаянно хотела удержать.

Ресницы Су Мань дрожали, она смотрела на меня, не отрываясь. Через мгновение она крепко зажмурилась, целуя меня с новой силой — словно в порыве отчаяния, словно ища утешения. Кончиком языка она разомкнула мои губы, вторгаясь с абсолютной, сокрушительной властью. А я лишь без остатка отдавалась ответному чувству, безумно, отчаянно желая в этом коротком поцелуе наверстать два потерянных года.

Я почти не пила, но в груди пылал огонь, пересыхало в горле. Наши губы сплелись в мягком, но настойчивом танце, в котором семь частей любви смешались с тремя частями жалости. Сердце колотилось, как барабан, а её рука в следующую секунду уже покоилась на моей груди.

Её губы слегка припухли, а взгляд подернулся туманом.

— Сыгуй, что мне с тобой делать?

— Оставь меня рядом с собой. Не обязательно видеться каждый день. Просто дай мне знать, что ты моя, и этого будет достаточно.

— Ты будешь счастлива так? — в её глазах застыла глубокая безысходность.

— А ты счастлива? Эти два года, пока ты меня не помнила, ты была счастлива? — я задала встречный вопрос.

Она молча покачала головой, и уголки её губ дрогнули в горькой усмешке:

— Если бы я действительно могла тебя забыть, было бы лучше. Когда я тебя не вижу, когда мы не общаемся, я могу быть одна. Но стоит тебе появиться — и мое сердце теряет покой.

— Мое счастье рождается из твоего присутствия. Ты рядом — я счастлива.

Я потянулась вперед, пристегнула её ремень безопасности, а затем свой.

— Поедем ко мне? Хочешь посмотреть на Манмань?

— Манмань?

— Собака, которую мы вместе выбрали. Я дала ей новое имя, — я поспешила добавить, боясь, что она подумает, будто я насмехаюсь над её именем. — В честь бесконечности.

Она вдруг всё поняла:

— Ты забрала её с собой.

— Всё, что связано с тобой, всегда со мной, — я указала на сердце, а затем на голову. — Надеюсь, и ты останешься навсегда.

— Квартиру помогла найти Чжунся, она очень выручила меня, когда я приехала, — я открыла дверь, и Манмань тут же бросилась к нам, царапая пол маленькими лапками. — Тише, тише, сейчас покормлю.

— Я знаю, — Су Мань присела, чтобы погладить собаку, но та испуганно отпрянула. Су Мань замерла и выпрямилась.

— Я слишком избаловала её, она никого, кроме меня, не подпускает, — я потянула её в гостиную. — Голодна?

Су Мань с нежностью посмотрела на меня:

— Все в порядке. Сыгуй, не суетись, садись.

— Я сварю тебе кофе.

В этот миг мне до безумия хотелось сделать это — совершить торжественный и теплый ритуал, чтобы почтить память любви, которую я теряла в осколках разбитого времени.

Я смолотла зерна и засыпала порошок в кофеварку. Су Мань подошла и остановилась напротив, улыбаясь:

— Так вкусно пахнет.

— Это твой любимый.

Мне нравилось вот так сидеть с ней, перебрасываясь пустяковыми фразами. Она подперла щеку рукой, глядя на меня с расслабленной улыбкой, а я старательно готовила кофе. В густом аромате любовь, словно вода в колбе, медленно закипала.

Когда я принесла кофе в гостиную, Су Мань взяла меня за руку, внимательно вглядываясь в лицо. Её взгляд был мягким и теплым. Казалось, у неё на языке тысячи слов, но она не знала, с

чего начать. Наконец она произнесла:

— Как на работе? Привыкла? Если будет трудно — не взваливай всё на себя.

Я поняла, что она беспокоится из-за того, что сказала Мяо Са в заведении.

— Всё хорошо, — поспешила я успокоить её. — Тот инцидент уже исчерпан. Пусть я и потеряла немного, зато получила урок. Теперь я буду осторожнее.

Су Мань кивнула, помолчала, а затем добавила:

— Сыгуй, есть вещи, о которых я должна сказать тебе прямо.

— Я всё знаю, — я перебила её. Я знала, что она хочет сказать, и инстинкт требовал бежать.

Но Су Мань не собиралась давать мне шанса на побег:

— Я должна прояснить ситуацию. Дела в семье, состояние здоровья мамы... Возможно, ты сочтешь это оправданием, но факт в том, что я действительно помолвлена. С Ся Жуйтином.

Я изо всех сил старалась держать эмоции под контролем, не выдавая своей боли. Дело сделано, терзаться бесполезно. Лучше смотреть в будущее и всё обдумать. В конце концов, Су Мань сейчас сидит передо мной, и в её сердце есть место для меня.

<http://bllate.org/book/20770/2084031>